

К 44-й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ РАЙОНА ОТ НЕМЕЦКО - ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

Прошло сорок четыре года с тех пор, как на приусадебных холмах отгремели оружейные залпы, погас злобный огненный смерч. Миусская битва завершилась победой нашей славной Красной Армии. Войска Южного фронта сокрушили очень сильные укрепления врага, и 30 августа 1943 года гитлеровский «Миус-фронт» прекратил свое существование. В этот день завершилось освобождение района от немецко-фашистских захватчиков.

Разительные перемены произошли в нашем районе за годы мирной счастливой жизни. Неузнаваемо изменился облик хуторов и сел, окрепли колхозы и совхозы, значительно повысился культурный уровень людей, их материальная обеспеченность. Год от года становится краше и наш районный центр, один из уголков которого вы видите на этом снимке.

В почте этих дней — немало писем ветеранов. Подражая матвеево-курганцев с 44-летием со дня освобождения района, они желают всем трудящимся достойно встретить 70-летие Великого Октября, самоотверженной работой на поле и ферме, у станка и на стройке, в учредении крепить дело мира, могущество Родины.

Предлагаем вниманию читателей воспоминания ветерана войны, участника боев на Миусе, журналиста из Пскова А. Т. Голузова.

МНЕ УЖЕ НЕ РАЗ ДОВОДИЛОСЬ РАССКАЗЫВАТЬ НА СТРАНИЦАХ «ЗВЕЗДЫ» О БОЯХ НА МИУСЕ. В ПАМЯТИ ХРАНИТСЯ ЕЩЕ ОДНА ФРОНТОВАЯ ИСТОРИЯ. ОНА НЕОБЫЧНАЯ, МУЗЫКАЛЬНАЯ. СВИДЕТЕЛИ ЕЕ — ВЕТЕРАНЫ, ОДНОПОЛЧАНЕ, НАХОДИВШИЕСЯ В РОТЕ АВТОМАТЧИКОВ 1137-го СТРЕЛКОВОГО ПОЛКА В НАЧАЛЕ ЛЕТА СОРОК ВТОРОГО ГОДА.

В ту пору рота, которой я командовал, занимала оборону в старой заброшенной каменоломне восточнее села Рясное. Позади, примерно в километре, протекала речушка Каменка, дальше поднимался бугор, за которым располагалась артиллерийская батарея Ильи Демченко. Перед нами же, в сотне метрах, за настигнутой миной нейтралкой — враг. Участок был шумным.

Стык дивизий. Немцы не раз пытались его прощупать, вклинуться, отбить выгодные позиции. Снаряды и мины перепархивали карьер. А в один из дней, когда наступило затишье, постреливали лишь снайперы, мне на ротный КП позвонил комиссар полка. Он напомнил, что завтра исполняется годовщина войны, в связи с этим в поле прибыла агитмашина с радиоустановкой и уже сегодня вечером намечено передать обращение к немцам: которые стоят перед моей ротой. Выступит немец-антифашист. Комиссар назвал час начала его речи и убедительно попросил не тревожить противника после полудня, не дразнить и даже не отвечать на его огонь... «Словом: на вашей обороне должно быть тишина, — уже с приказными нотками закончил комиссар, — поднимите шум, затеете перестрелку — будет не до разговоров».

Я тотчас передал распоряжение командирам взводов. Отозвал с позиции снайпера Хамзета Капова, мет-

да вызывали ответный огонь врага. Однако немцы, видимо, тоже решили отметить годовщину своего разбойничьего «блицкрига». Перед вечером, когда солнце слепило наших наблюдателей, их разведчики высокими травами подобрались к боевому охранению роты. Похоже, хотели захватить «языка». Налетчики, встреченные автоматами и гранатами, бежали, оставив на ней

каменоломне из края в край перекатывался рокот пулеметов, частили автоматы, гремели разрывы. Но в этом привычном грохоте явственно слышалась музыка. И какая! Вальс. Кольнуло былым: залитый электрическими огнями парк и пары танцующих. Но это там, в далекой курсантской юности. А тут? Откуда он, этот вальс? Мягкая, спокойная его мелодия струилась, ка-

давшее свое смятение, опепенение. Я совершенно не понимал откуда эта музыка и ничего вразумительного не мог ответить Хамзету Капову. Он же, не терпевший загадок, взял гранаты, автомат и осторожно направил ся к лугу, что позади наших окопов:

— Посмотрю, что там. Едва он скрылся в темноте, как вальс кончился, слышался щелчок и над на-

темными буграми вспыхнули отсветы залпов его пушек.

Такова музыкальная история, которая помнится более сорока пяти лет. Нынешним летом в кратком моем изложении ее передало Московское радио в программе «Встреча с песней» и телевидение (фильм «Музыка и мы»). Исполнялся и вальс. Он называется «Неаполитанские ночи». Будто на донесшийся по эфиру паролль отозвались, прислали письма Хамзет Капов из Черкессии, Илья Демченко из Сочи, другие однополчане. А я записал вальс на магнитофон. Чудесная мелодия. До войны она популярна была и на западе, и у нас. «Неаполитанские ночи» звучали в парках, на танцевальных площадках, с эстрады. И, слушая вальс теперь, когда уже сед, вспоминать бы мне чарующие его звуки, залитые электрическими огнями залы, пары танцующих, глаза, улыбки девушек. Возвратиться бы мысленно в дорожную юность. Но нет. Преду мной, будто наяву, встают озаренные трассами пуль, пламенем разрывов, мертвенным светом ракет окопы Ряснянской каменоломни, суровые лица стоявших там рядом боевых друзей.

«Неаполитанские ночи» воскресают в памяти тревожную июньскую ночь сорок второго на пяди земли Примиусья. Таково свойство музыки, возвышать впечатления поры, когда была услышана и вошла в сердце. А та пора, когда на окопы при боем наплывал загадочный вальс, тоже ведь была юность — святой, солдатской.

А. ГОЛУЗОВ,

бывший командир роты автоматчиков 1137 стрелкового полка 339-й Ростовской стрелковой дивизии.

Неаполитанский вальс

тражке своего раненого. Пытаясь вынести его, обремененные неудачей, гитлеровцы буквально засыпали наши позиции минами. Двое бойцов задело осколками. В ответ — из моей команды заговорили наши минометы, вначале небольшие ротные, потом батальонные. Противник тоже усилил обстрел. Землянка моего КП от частых разрывов ходила ходуном. С потолка потолка сыпался песок. А время радиообращения приближалось. Как же утихомирить немцев? Позвать на помощь батарею Демченко? Позиции немецких минометов у него пристреляны. Однако, противник вряд ли останется в долгу, заговорят его пушки и тогда прощай всякая надежда на тишину.

Пока я решал, в землянку заглянул возмущенный Хамзет Капов:

— Выйди, командир, послушай. Не понять что такое.

Я вышел из блиндажа. В сгущавшихся сумерках по

залось, из-под земли, накачивалась из трав, заполняя наши окопы. Она плыла дальше, к нейтральной полосе, на которой кричал раненый немец. Пели гавайские гитары, звепели мандолины, мелодию подхватывали флейты. Потом вступил инструмент, звучание которого напоминал страстный тоскующий женский голос. Он, этот голос, парил над воронками, над развороченной пороховой землей, над дзотами и бугорками могил, будто взывая к чему-то святому, забытому. И на моих глазах свершалось чудо: перестрелка как бы подмытая волнами вальса, начала отодвигаться, затихать. Вначале держа пальцы на спусковых крючках, замолчали мои автоматчики, потом — немцы. На их стороне лишь хлопала осветительные ракеты. В каменоломне наступила тишина, в которой под светом ракет звучал лишь вальс — гимн красоте, жизни.

Как сейчас помню, тог-

шими позициями на чистом немецком языке прозвучало «Ахтунг, дойчен солдатен» («Внимание, немецкие солдаты!» Я взглянул на часы. Стрелки показывали 21.30. Все теперь стало ясно: началась передача для противника, а музыка была вступлением, своеобразной приманкой. Только и всего. Но никто же о ней не предупредил! Вызванная ею тишина, так сказать, по инерции держалась еще несколько минут. Пропагандист успел сказать о преступной войне, навязанной немецкому народу кликой Гитлера, о крахе «блицкрига» и неминуемом поражении фашизма. Потом от блиндажей немцев (они местами находились в полусотне метрах от наших) донесли команды и заглушая голос правды, вновь зарокотали пулеметы, завывали мины. Мы ответили тем же. Теперь, не колеблясь, я связался по телефону с батареей Демченко:

— Помогай. Ильяша! За речкой Каменкой, над